

— ИРЭН АДЛЕР —
**ШЕРЛОК
ЛЮПЕНЪЯ**

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЙСТВИЕ СПЕКТАКЛЯ

Ирэн Адлер
Последнее действие спектакля
Серия «Шерлок, Люпен и я», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7420106
Адлер, Ирэн Последнее действие спектакля: роман: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084041-0

Аннотация

В этот раз Ирэн, Шерлок и Люпен направляются в Лондон. Однако Люпен на место встречи не приезжает: его отца Теофраста арестовали по обвинению в убийстве Альфреда Санти, секретаря великого композитора Джузеппе Барцини. Друзья начинают собственное расследование и вскоре понимают: им придется не только спасти отца Люпена, но и найти знаменитую оперную певицу Офелию Меридью, которую, кажется, похитили...

Содержание

Глава 1. Тревожное время	5
Глава 2. Прекрасная новость	8
Глава 3. Синий поезд	14
Глава 4. Странная встреча	18
Глава 5. Божественная Офелия	21
Глава 6. В городских трущобах	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ирэн Адлер

Шерлок, Люпен и я. Последнее действие спектакля

Original title: Ultimo atto al Teatro dell'Opera

Text by Pierdomenico Baccalario and Alessandro Gatti

Illustrations by Iacopo Bruno

Впервые опубликовано издательством Edizioni Piemme S.p.A.

All names, characters and related indicia contained in this book, copyright of Atlantyca Dreamfarm s.r.l., are exclusively licensed for Atlantyca S.p.A. in their original version. Their translated and/or adapted versions are property of Atlantyca S.p.A.

All rights reserved.

© 2012 Atlantyca Dreamfarm s.r.l., Italy

Editorial project by Atlantyca Dreamfarm s.r.l., Italy

International Rights © Atlantyca S.p.A., via Leopardi 8-20123 Milano –
Italia – foreignrights@atlantyca.it – www.atlantyca.com

© И. Константинова, перевод на русский язык, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Глава 1. Тревожное время

Спустя многие годы после тех далёких событий мне трудно признаться, что в то ужасное время, когда прусская армия осаждала Париж, мои мысли целиком были заняты удивительными друзьями, с которыми пришлось расстаться по окончании летних каникул.

В те дни пруссаки продолжали неудержимое наступление, беспомощная французская армия отступала после позорного поражения при Седане. К счастью, Шерлок находился в безопасности, вдали от Франции, а Люпен, где бы ни оказался, всегда умел позаботиться о себе. Не могу поэтому сказать, что тревожилась об их судьбе, и всё же...

Впрочем, в то время я ещё не знала слов, которые только что использовала, – «беспомощная» и «позорное». Они пришли со временем, по зрелом размышлении.

А тогда, в том далёком сентябре 1870 года, сердце моё билось в непредсказуемом ритме молодости, и мысли в моей голове витали причудливые, пожалуй, правильнее сказать – безотчётные.

Война, как я уже сказала, была проиграна, и на улицах Парижа только и говорили, что о разгроме империи и неминуемом падении Франции под штыками армии короля Альберта Саксонского. И те, кто призывал заключить достойное перемирие, схватывались врукопашную с теми, кто, напротив, готов был добровольцем отправиться на фронт или присоединиться к патриотам и погибнуть, сражаясь за каждый дом, за каждую улицу.

А я, Ирэн Адлер, тем временем каталась в карете, проезжавшей сквозь взбудораженные, испуганные толпы народа, и жила в нашем особняке в Сен-Жермен-де-Пре, где моя приёмная семья решала, что делать дальше.

Говорю сейчас о приёмной семье, хотя в то время я весьма смутно представляла своё происхождение и никогда не задумывалась, даже не пыталась искать ответа на вопрос, почему с моими веснушками, рыжими волосами и голубыми глазами я нисколько не похожа ни на папу, ни на маму.

Вспоминая об этом теперь, могу сказать, что меня тогда не слишком многое интересовало.

Были, конечно, вопросы, которые немало беспокоили: война и осада Парижа. Но намного больше тревожило меня другое. Как во всём этом сумбуре – развал почты, чадающие дымовые трубы, солдаты в лохмотьях, оставшихся от императорских мундиров, итальянские уличные газетчики, за две монетки продающие на каждом углу новости, – как узнать что-нибудь о Шерлоке и Арсене?

Думая о том времени, вспоминаю, как меня без конца успокаивали: не нужно ни о чём думать, не нужно ничего опасаться. И многие девочки из подходящих для нашей семьи домов, которых мама навязывала мне в подружки, были именно такими: ни о чём не беспокоились и ни о чём не тревожились.

Несколько дам с дочерьми как раз пришли к нам в тот вторник в гости. Из окна над дверью моей комнаты я наблюдала, как они входят. Ну словно утки, что зимуют на неболь-

шом озере в Тюильри, только вместо переливчатых перьев подруги моей мамы и их дочери (никакие они мне не подруги!) выставляли напоказ голубые, розовые и жёлтые платья. Свои рыбки глаза прятали под милыми шляпками с вуалью, а гладкие, нежные ручки – в сливочного цвета перчатках. Конечно же, у них на вооружении имелись крохотные шёлковые веера и драгоценности, от которых у любого вора слюнки потекли бы.

Зная, что в некоторых кварталах города пекарни нормировали продажу хлеба и многие городские рынки являли собой печальное зрелище пустых шкафов и полок, я должна была бы негодовать по поводу такой неуместной роскоши.

Но в этом доме меня ещё считали маленьким ребёнком, и хотя я прекрасно понимала, что уже не дитя, нередко вела себя как маленькая девочка, вопреки моему возрасту. Я делала вид, будто на душе у меня тихо и спокойно, а на самом деле, когда оставалась одна или виделась со своими двумя замечательными друзьями, душа моя словно высвобождалась из плена и воспламенялась тысячами обуревавших меня мыслей.

Итак, парижанки расположились в гостиной, а дворецкий Нельсон стоял возле моей комнаты на верхнем этаже, где обычно спала прислуга.

– Мисс Ирэн... – со вздохом повторил он уже во второй раз. – Миссис Адлер ждёт вас.

Я ещё раз взглянула на письма, которые разложила на письменном столе, и ответила ему тоже вздохом.

– Иду, – солгала я, не в силах оторвать взгляда от плавного, красивого почерка, каким написал своё длинное письмо Шерлок. Он вручил мне его минувшим летом в день отъезда из Сен-Мало. Я наизусть знала это письмо, потому что перечитывала уже множество раз, пока ехала в Париж.

И все следующие дни.

Шерлок желал мне благополучного возвращения домой и впервые с тех пор, как мы познакомились, кратко касался того, что происходит во Франции. Находясь вдали от столицы на отдыхе в Сен-Мало, куда почта доставлялась медленно и нерегулярно, мы пребывали там почти в полном неведении о том, что творилось в стране.

Но невозможно жить всегда в полном благополучии и вдали от мира.

Так что я вернулась в Париж, а Шерлок с братом, сестрой и матерью отправился в Лондон, где, как он считал, всё будет хорошо. И хотя его мать непрестанно жаловалась на всё на свете: на адский шум многолюдных улиц и невыносимую вонь, на грубость горожан и назойливое приставание торговцев, Шерлок, очевидно, иначе смотрел на вещи. Он знал, или, может быть, только надеялся, что в этом городе легко достанет любую книгу, какую захочет прочитать, и для этого нужно всего лишь заглянуть в какую-нибудь книжную лавку на Чаринг-Кросс.

А кроме того, он начал брать уроки игры на скрипке! Известие об этом, объявленное без всяких преамбул, заставило меня улыбнуться. И если поначалу я решила, что он шутит, то дальше сухой, решительный тон письма в конце концов убедил меня, что мой друг говорит вполне серьёзно.

Холмс, играющий на скрипке! Он казался мне слишком активным и нетерпеливым, чтобы освоить искусство, для овладения которым требовались бесконечные, длительные упражнения. Это всё равно что представить себе Арсена Люпена в монашеской рясе.

А на самом деле?

А на самом деле я провела несколько бессонных ночей, слушая, как грохочет на окраинах Парижа прусская артиллерия и представляя себе Шерлока Холмса, стоя играющего на скрипке. Может, это был только способ не думать о войне, которая подошла уже к дверям моего города? Кто знает. Дальше Шерлок писал более торопливо и немного неук-

люже. Высказал пожелание, чтобы наша встреча в Сен-Мало оказалась не единственной, и надежду, что рано или поздно я смогу приехать в Лондон, а семья Холмс посетит Париж, хотя бы когда всё успокоится и путешествовать станет менее опасно.

Письмо завершилось так:

В обоих случаях обещаю, что беру на себя заботу показать тебе все самые неподобающие и не рекомендуемые для посещения места в городе, где снова случится быть вместе! Твой Шерлок Холмс.

Я перечитала письмо бог знает в который раз, когда мистер Нельсон осторожно постучал в дверь, призывая меня к моим обязанностям. Гостиной требовалось моё время. А я не намерена была уступать ей ни мгновением больше необходимого.

– Входи же, Нельсон... – позвала я, складывая письмо Шерлока.

– Не я должен войти, мисс Ирэн, – возразил мне огромный чернокожий человек, служивший в нашей семье с самого моего рождения. – Это вы должны выйти. Гости ждут вас.

– В самом деле? – спросила я, подняв бровь. – И что им от меня нужно? Хотят понять, знаю ли я латинскую поэзию, услышать моё мнение о моде военного времени или узнать, к кому питаю особую симпатию?

– Скорее всего именно последнее... – улыбнулся Нельсон.

Теперь могу сказать об этом откровенно: я куда легче находила общий язык с мистером Нельсоном, чем с моей матерью.

Не возмущайтесь. Никто из нас ни в чём не виноват.

Я – отнюдь не послушная девочка.

А она – не моя мать.

Глава 2. Прекрасная новость

– Этот чай просто восхитительный! – прошептала девочка в белом платье, изящно украшавшая небольшой диван в гостиной, словно кремовый завиток на пирожном.

Я проигнорировала её ради безопасности нас обеих и посмотрела в высокое окно. Сам воздух казался разряженным. Огромные тучи неслись по небу с запада на восток. И я невольно подумала о скоротечности времени и о том, как сама теряю его, позволяя ему растворяться, подобно сахару в горячем чае.

Не прошло и четверти часа, а мне уже казалось, что я схожу с ума.

Я знала, что Нельсон стоит за одной из лакированных дверей гостиной, и завидовала ему. Он, по крайней мере, мог тайно смеяться над этим никчёмным жеманством, над пустыми разговорами и вымученными беседами, которые, похоже, так ценила моя мать, признавшаяся, что ей очень недоставало их во время отдыха в Сен-Мало.

Казалось, за время, проведённое у моря, солнце даже не коснулось её томного лица, а движения сделались ещё медленнее и ленивее. Рассказывая об отдыхе на берегу Нормандии, она говорила о непередаваемой скуке, от которой страдала там, и подчёркивала жизненные неудобства в этом месте, которое мне виделось таким прекрасным.

– Но это лучше, чем находиться в Седане, – хотелось мне возразить ей и напомнить, что в это самое время на другом конце Франции люди погибали на войне. Но это и в самом деле получилось бы грубо с моей стороны даже при том, что в тот день я исходила злобой. Я не стала доставлять матери неприятности. Мне просто захотелось поскорее избавиться от этого общества.

И тогда я решила пойти на своего рода компромисс: бросить камешек в стоячее болото этого разговора.

– Сегодня утром я слышала выстрелы на площади, а вы? – спросила я, надкусывая печенье. – Похоже, даже убили кого-то!

– Убили?

– А почему убили?

– А он был женат?

Всполошились, однако, маленькие гарпии.

И мне снова захотелось взглянуть на мистера Нельсона.

Меня учили, что тщеславие – не лучшая черта характера. Но между отсутствием тщеславия и желанием, чтобы тебя забыли, большая разница. Я не забыла своих летних друзей по Сен-Мало и надеялась, что они тоже помнят меня.

Арсен Люпен написал через несколько дней после моего отъезда, и думаю, только чудом его лаконичная открытка дошла до меня, несмотря на плохую работу почты в военное время.

Несколько строк без всяких красивых фраз, как в письме Шерлока, но от этого не менее интересные: я поняла, что он давно думал обо мне и что признаться в этом самому себе стоило ему некоторого усилия.

На оборотной стороне открытки с волнистыми краями он написал:

Уезжаю с отцом на поиски площадки для выступлений. Надеюсь, что с тобой всё в порядке и наши дороги снова пересекутся. Не пытайся ответить мне, не могу сообщить никакого адреса. Целую тебя.

В этом смелом завершении письма отразилось всё смущение Люпена.

Целую. Словно он привык писать подобные слова такой подруге, как я.

Или как если бы поцеловал меня.

А на самом деле?

На самом деле, пока моя не-подруга в платье цвета зелёного горошка что-то говорила маме про какую-то преподавательницу пения (та поделилась с ней надеждой снова записать меня в Академию после окончания войны), я представила себе тонкое, красивое, обрамлённое чёрными кудрями лицо моего необыкновенного друга Люпена и подумала о том, что бы я почувствовала, если бы и правда поцеловала его. От одной только мысли об этом я покраснела и рассмеялась, едва не пролив чай на платье.

– Ирэн? С тобой всё в порядке, моя дорогая? – спросила мама, и в глазах её мелькнуло беспокойство. Как многие матери того времени, она считала необходимым постоянно контролировать всё, что я делаю, находясь в обществе.

Она была просто восхитительна, моя мама. Говорю это без всякой иронии: в определённом смысле она действительно заслуживала восхищения. Она умела притвориться, будто говорит со мной, а на самом деле обращалась к своим подругам, ища во мне союзницу, чтобы продемонстрировать достойнейшее лицо нашей богатой семьи, которая могла преспокойно пить чай с пирожными, даже когда рушилась империя.

Мне не хотелось подрывать её доверие, хотя это и стоило труда. Я тысячу раз предпочла бы сидеть в библиотеке среди моих книг или (хорошо бы!) гулять по городу с Шерлоком и Люпенем.

Но я была девочкой, к тому же из порядочной семьи, и всё, что дозволялось мальчику, мне, безусловно, запрещалось.

– Всё в порядке, мама, – ответила я.

И постаралась уловить обрывок разговора, чтобы ухватиться за него и продолжить беседу, сдерживая при этом возбуждение от грёз наяву и одновременно зевоту от окружения.

Мне и в самом деле казалось невероятным, что в то время, как целая армия окружала столицу, в одной из гостиных Парижа могли скучать или даже просто убивать время.

Это мучение длилось ещё почти час, до тех пор, пока месье Адлер (будь он благословенен), мой отец, не вернулся домой. Хлопнув дверью, отодвинув в стороны слуг, он влетел в гостиную, не сняв пальто, с которого ручьями стекала вода.

– Леопольд! – тотчас прозвучал суровый укор моей матери.

А мне показалось, что вместе с отцом в комнату влетела яркая вспышка пламени. Я поняла, что это молния сверкнула за окном. Тучи, которые начали недавно собираться, теперь сгустились, потемнели и обрушили на город необыкновенный ливень.

– Как чудесно! – воскликнула я. – Дождь!

И тем самым заставила побледнеть от испуга юных парижанок в гостиной, которые никогда в жизни, наверное, не бегали по лужам.

– Ирэн! – обратился ко мне отец, словно пришёл сюда только ради меня. И сразу же добавил: – Добрый вечер, мадам. – Потом снова взглянул на меня своими хитрыми глазами, которые всегда превращали его в проказника-мальчишку, заставляя забыть про взрослого делового человека, магната железных дорог и стали.

Я посмотрела на него и тотчас почувствовала на себе колкий, завистливый взгляд мамы, которая, глядя на нас с отцом, казалось, всякий раз задавалась вопросом, в чём секрет нашего удивительного взаимопонимания.

– Собирай чемоданы! – сказал отец. – Всем собирать чемоданы. На будущей неделе Офелия Меридью в последний раз выступает в «Ковент-Гардене» – будет петь в новой опере прославленного Джузеппе Барцини.

– Офелия Меридью? – переспросила я, поразившись, что отец назвал имя самой великой певицы всех времён.

– «Ковент-Гарден»? – спросила мать и, как мне показалось, едва не вскочила со стула. И поскольку в Париже не было ни какого-либо заведения, ни театра с таким названием, она добавила: – А где же, дорогой, этот «Ковент-Гарден»?

– Вы правильно поняли! – воскликнул отец. – Едем в Лондон!

Нетрудно представить, какой переполох вызвало неожиданное сообщение отца в уважаемой семье Адлер. Но вот чего я совершенно не могла предвидеть – известие это и последовавшие за ним события полностью изменили мою жизнь.

В тот вечер ужин был накрыт ровно в семь тридцать. Он состоял из тёмного, табачного цвета бульона из каплуна, и я развлекалась тем, что подсчитывала, за сколько секунд потонут в нём гренки.

Родители снова заговорили о той новости, с помощью которой отец прервал скучнейший визит парижских дам. Они ещё не обсуждали её, потому что мама сочла невозможным делать это в присутствии гостей, даже если дамы, вполне понятно, не очень-то были расположены расходиться. Для некоторых женщин вмешиваться в чужие дела – слишком привлекательное занятие!

Папа привёл себя в порядок, переоделся и надушился одеколоном, который я так любила, а некоторые из наших лучших друзей, напротив, считали неприятным. Ведь он происходил из той самой страны, что вторглась во Францию, с которой мы воевали.

Напомаженные усики отца, однако, словно говорили: «А мне всё равно!» – и лёгкая улыбка выражала при этом некоторое удовлетворение. Он был оптимистом, мой отец. Мне кажется, я так и слышу, как он повторяет свою любимую в то мрачное время фразу: «Войны ведутся время от времени, а дела делаются всегда!»

Надо ли говорить, что мама выглядела весьма опечаленной. И как всегда, непонятно было, то ли из-за самого предложения, то ли из-за формы, в какой оно было сделано. Привыкнув, согласно хорошему тону, не отличать форму от содержания, она оказалась в некотором затруднении.

– Так значит, эта Офелия, дорогой... – произнесла она.

Этого оказалось достаточно, чтобы папа со всем пылом принялся рассказывать об успехах Меридью, восторженных отзывах критиков и необыкновенном восхищении, какую она вызывала у публики.

– Но ведь следует признать, Леопольд, что в этой ситуации... – попробовала возразить мама.

Ситуация – единственное слово, которое она считала возможным употреблять, когда имела в виду войну.

Я, должно быть, слишком шумно отхлебнула бульон, потому что на меня посмотрели.

– Ирэн тоже её обожает, – тут же произнёс отец, ловя мяч на лету. – Не так ли, детка?

Я подтвердила. И мне не пришлось притворяться. Офелия Меридью была точкой отсчёта, неким миражом, на который ссылались мои преподаватели пения.

– Мадмуазель Гамбетта тоже говорит, что такого голоса, как у Офелии, нет больше ни у кого и что слушать её – особая привилегия.

– Слышала, моя дорогая? – обрадовался папа. – Особая привилегия. И ты хотела бы отказать в особой привилегии в такое время, как наше?

– Леопольд, – вздохнула мама. – Мы с Ирэн только что вернулись после отдыха у моря. Я ужасно устала... Одна только мысль сразу же оправиться... в Лондон... пугает меня. Да и как ехать? Разве работает транспорт? Я слышала, что город заблокирован, что масса людей из провинции наводняет Париж...

– Глупости! – сказал папа. – Я уже всё устроил.

– Уже устроил... Даже не спросив меня?

– Да ладно, дорогая!

– Не повышай голоса, Леопольд!

– Я не повышаю.

– Нет повышаешь!

И они продолжали свою добродушную перепалку, походившую на состязание двух рыцарей: один в стальных доспехах и с копьем, другой в резиновой арматуре, от которой копьё отскакивало.

И хотя я не имела ни малейшего представления о том, что на самом деле происходит в городе, всё же понимала истинное намерение папы – увезти нас как можно дальше от войны, и поэтому меня удивляло мамино упрямство.

Улучив момент, я вмешалась:

– Мадмуазель Гамбетта сказала, что, если бы Офелия приехала в Париж, она сделала бы всё, что угодно, лишь бы повести своих учениц послушать её. Потому что невозможно понять суть вокала, не услышав Меридью.

Родители в растерянности замолчали. Учиться пению меня заставляла мама, которая считала, что это необходимо для вхождения в общество.

– В самом деле, так и сказала? – спросил папа, довольный моей поддержкой.

По правде говоря, мадмуазель Гамбетта была убеждена, что намного превосходит самую великую на данный момент оперную певицу. Превосходит, но, к сожалению, из-за невезения или каких-то интриг её недооценивают.

– Да, – подтвердила я на всякий случай. – Так именно и сказала.

И постаралась избежать мамино взгляда, но кожей почувствовала, какой он холодный.

– И когда же, скажи на милость, – съязвила мама под звяканье серебряных приборов, – мадмуазель Гамбетта слушала Офелию Меридью?

– Ох, – вздохнула я, – это надо спросить у неё.

– Ну, если так сказала Гамбетта, то... – проговорил папа и позволил себе хороший глоток вина.

Потерпев поражение, мама не стала возражать, а мне пришлось удержаться, чтобы не подмигнуть папе.

– Так значит, едем? – спросила я, пока мистер Нельсон убирал со стола.

– Ну! – широко улыбаясь, произнёс папа. Он всегда обозначал таким восклицанием свою победу.

На том вечер и завершился.

Я ушла в свою комнату как раз вовремя, чтобы не слушать продолжение спора.

Родители перешли в гостиную и оттуда отправились на второй этаж. С лестницы доносились их голоса – сердитое ворчание мамы и примирительный, дружелюбный тон отца, каким, я думаю, он разговаривал на работе с тысячами служащих.